

Глава 10

Резонанс

Этим же утром, пока город только стряхивал с себя остатки сна, произошло событие, напрямую затронувшее судьбу Лэнса Кавендиша.

Сразу несколько газет — «Утренние хроники», «Утренняя почта», «Курьер» и «Семипенсовая газета» — одновременно опубликовали официальные извинения.

«Утренние хроники» писали: «Лэнс Кавендиш — честный и отважный молодой человек. Он не только не причастен к ереси, но и проявил себя как истинный ревнитель справедливости... Прежние публикации, порочащие его имя, стали следствием непростительной ошибки репортера, к которому уже применены самые суровые меры дисциплинарного взыскания...»

«Утренняя почта» вторила им: «...В тот критический момент рыцарь Картер, капитан Секретного мобильного отряда Бюро по расследованию ереси, лично встал на защиту юноши. Он не только развеял гнусные слухи перед лицом толпы, но и принес пострадавшему искренние извинения. Более того, сэр Картер лично посетил редакции, чтобы убедиться в скорейшем восстановлении доброго имени юноши...»

«Курьер» же подавал новость в более экспрессивной манере: «Поразительная история! Невероятный поворот! От всеми презираемого еретика до преданного сына отечества, разоблачившего преступную мать. Сколько еще тайн скрывает в себе фигура Лэнса Кавендиша?»

Хотя эти издания и считались небольшими листками с тиражами от нескольких тысяч до десяти тысяч экземпляров, они плотно охватывали общины среднего класса Санна. В одно мгновение имя молодого человека стало главной темой за завтраком во многих домах.

Не остался в стороне и кредитор Лэнса — мистер Майрон.

Он отложил газету и задумчиво коснулся тяжелого изумрудного перстня на большом пальце. Из прочитанного ростовщик выудил одну, но крайне важную деталь.

Его должник не просто вышел на свободу чистым перед законом — он получил от Бюро по расследованию ереси денежную компенсацию.

«Превосходно. Просто замечательно!»

Когда Мэри отошла в мир иной, а её сына загребли в застенки инквизиции, Майрон всерьез испугался, что его проклял какой-нибудь чернокнижник. Как иначе объяснить такое фатальное невезение?

Он прекрасно знал, что Мэри не имела возможности платить по счетам. Он ссудил ей деньги лишь ради земли, которой она владела. Кто же мог знать, что эта женщина окажется фанатичной сектанткой? Землю, разумеется, конфисковали. Старания Майрона пошли прахом, а триста фунтов испарились, точно дым. Распространись эта история, и он стал бы посмешищем для всего Санна.

Хвала небесам, удача вернулась к нему.

Долг матери — это долг сына.

Он тут же подозвал верного подручного и велел ему взять пару крепких парней, чтобы «соседски побеседовать» с юношей. Майрону была нужна эта земля в счет долга, и он не собирался отступить.

***

Патерностер-стрит

Тем временем на другом конце города...

Патерностер-стрит по праву считалась Меккой издательского дела империи Лайт. Здесь обосновались десятки известнейших типографий, а воздух был пропитан запахом краски и свежей бумаги. Это был культурный центр страны.

Говорили, что на этой улице печатается до семидесяти процентов всех книг империи. Ежемесячно отсюда во все концы страны отправлялись повозки, груженные книгами.

Издательство «Глория» располагалось в доме номер шестьдесят один. Саймон, работавший там рецензентом, только начинал свой день. Несмотря на то, что компания открылась всего несколько лет назад, она уже успела громко заявить о себе.

Своим взлетом предприятие было обязано владелице — графине Синтии Кэмпбелл. Старшая дочь благородного семейства была страстно влюблена в литературу и обладала редким даром находить таланты. Её имя служило надежным щитом для издательства.

Работа Саймона требовала зоркого взгляда орла и чутья лисицы, чтобы в бесконечном потоке авторских писем разглядеть будущий шедевр.

Ровно в восемь утра мужчина вошел в свой кабинет и обнаружил на столе конверт из плотной коричневой кожи.

«Что это такое?»

Он вскрыл пакет. Внутри лежала рукопись с указанием адреса и имени отправителя.

«Автор... Лэнс Кавендиш?»

Мужчине показалось, что он где-то слышал это имя, но он был готов поклясться — среди писателей такого человека не существовало. И когда только успели доставить рукопись? Обычно почтальон или сам автор оставляли материалы в почтовом ящике, после чего секретарь сортировал их.

Несмотря на странность ситуации, профессиональный инстинкт взял верх. Саймон опустился в кресло и принялся за чтение.

Первое, что бросилось ему в глаза — почерк. Изящная каллиграфическая вязь, в которую явно было вложено немало труда. Это сразу стало большим плюсом. До того как занять этот пост, Саймон не придавал значения красоте письма — в грамматической школе этому обучали всех.

Но поработав рецензентом, он обнаружил, что многие присылают тексты, полные грамматических ошибок, а некоторые не могут написать и складного предложения. Подобная каллиграфия была редкостью, одной на сотню. Ведь далеко не у каждого автора была возможность посещать школу.

Рецензент углубился в чтение. И перед ним ожила история призрака по имени Джек.

Когда-то он был ребенком-рабочим, чья жизнь оборвалась слишком рано. Став призраком, Джек жаждал мести. Он скитался среди живых, выискивая тех, кто когда-то причинял ему боль.

Первым в его списке стал рабочий по имени Барр. Этот человек не раз избивал маленького Джека плетью за медлительность. Даже в момент смерти на ребрах ребенка всё еще не затянулись рубцы.

***

«Я затаился за дверью, а нож лежал в моем кармане — достаточно было протянуть руку.

Барр ужинал в кругу семьи.

— Папа, папа! — его младший сын, который был на год младше меня, дергал отца за рукав, восторженно глядя на него. — Один пенни, всего один пенни! Пожалуйста!

— Не давай ему ничего, — отрезала жена Барра, костлявая женщина, в которой я смутно узнавал черты собственной матери. Она старательно вытирала хлебом соус с тарелки, не

поднимая головы. — Он уже вырос, пора искать работу. На шахтах полно детей его возраста.

— Дорогая, Том еще мал, — Барр достал монетку и тайком сунул её в карман сына, подмигнув ему. — На шахте от него сейчас не будет толку, подождем еще пару лет, — с любовью добавил он.

Заботливый отец, суровая мать, невинное дитя — идеальная, гармоничная семья.

Раздался резкий холодный смех.

Семья Барра ничего не услышала.

Лишь через мгновение я понял, что смеялся я сам.

Боже, как это нелепо, как смешно!

Это тот самый Барр, который избивал меня и других детей по любому поводу, тот самый подонок, который осыпал меня проклятиями и заслужил гореть в аду!

И этот зверь в то же время является чьим-то мужем и отцом. Он нежен с женой, обожает сына... Он тоже обладает человеческими чувствами!

Но почему?!»

***

Саймон почувствовал, как по коже пробежали мурашки.

Он рывком поднял голову, а в ушах всё еще звенел яростный вопрос призрака.

«И в самом деле — почему?»

Этот вопрос неизбежно возникал у каждого читателя. В традиционном представлении человек, избивающий детей — зверь в человеческом обличье.

Поведение Барра почти не отличалось от скотского. Но при этом он оставался любящим мужем и отцом. Это в одно мгновение вырывало его из категории однозначных монстров, превращая в живого человека.

Но как зверь может быть человеком? Если ему знакомы человеческие чувства, как он может

без тени сомнения совершать злодеяния?

Читатель, подобно Джеку, оказывался в ловушке логического и эмоционального диссонанса.

«Это и есть жизнь, — Саймон прошептал это самому себе. — Реальность абсурдна. В романе всё должно быть логично, а в жизни — ни капли»

«Человеческая природа... как же она сложна и темна»

Саймон начал осознавать, к чему клонит автор. Через глаза Джека он заглядывал в глубокие и парадоксальные бездны души. Автор размышлял о границе между человечностью и звериным началом.

О том, что именно делает нас людьми.

Масштаб затронутой темы поражал. Это была амбициозная попытка.

Мужчина прижал ладонь к груди. Сердце колотилось так, словно готово было пробить ребра. Возбуждение, точно электрический разряд, пробежало по позвоночнику к мозгу, заставляя пальцы мелко дрожать.

Сделав глубокий вдох, чтобы унять волнение, он продолжил чтение «Мести Джека». Ему не терпелось узнать, какой ответ даст автор.

***

Переулок Алой Луны

В то же самое время в издательстве «Гори», что в переулке Алой Луны, рецензент Иден жадно впитывал строки той же рукописи.

Для него это было уникальным опытом. Обычно работы новичков пестрели огрехами, но это произведение было поразительно зрелым. Трудно было поверить, что его написал дебютант!

Мужчина полностью растворился в сюжете, сопереживая судьбе несчастного Джека. Призрак разыскивал старых врагов, пытаясь отомстить, но раз за разом опускал руки.

Он видел, что эти люди в глазах окружающих вовсе не были воплощением зла. Для своих близких они оставались храбрыми братьями, заботливыми сыновьями или строгими отцами. Они не были хладнокровными монстрами.

Джек в книге становился всё более потерянным. Сомнения начали подтачивать саму волю к мести. В конце концов он начал задаваться вопросом: зачем он вообще задержался в этом мире?

«Если все они — „хорошие люди“, то выходит, что „я“, пострадавший от их рук — „плохой“?»

«Справедлива ли моя месть?»

«Может, я сам виноват в своих бедах, поэтому „хорошие люди“ наказали меня?»

«Господи, неужели вся моя жизнь была лишь заслуженной карой?»

Иден понимал: устами героя автор обращается напрямую к читателю.

«Почему бедняки всегда так много страдают? Неужели бедность — это тоже грех?»

«Дети — будущее нации. Если нация позволяет детям умирать в нищете, у неё нет будущего»

Разумен ли институт детского труда?

К глубокому разочарованию рецензента, текст на этом обрывался. Убедившись, что это последняя страница, он издал стон досады. На душе было тяжело. Чувства, вызванные книгой, было трудно описать.

Был ли Джек плохим? Конечно нет! В чем была его вина? Лишь в том, что он родился бедняком!

Но были ли те, кто обрек его на смерть, негодьями? Похоже, что тоже нет. Категории «добра» и «зла» здесь не работали.

Так кто же убил Джека?

Ответ напрашивался сам собой: не конкретный человек, а всё общество. Если бы государство создало систему защиты детей, Джеку не пришлось бы переносить эти страдания и умирать.

И что же теперь делать герою?

Роман назывался «Мечь Джека». Но персонаж зашел в тупик. Он был недостаточно хорош для рая, но и не так плох, чтобы гореть в аду. Мечь была смыслом его пребывания в мире живых, но теперь и она казалась сомнительной.

Идену было до боли жаль этого мальчишку. Ему хотелось, чтобы хоть раз удача улыбнулась ребенку, чтобы он смог просто рассмеяться, как подобает в его возрасте.

Мужчина снова заглянул в конверт и обнаружил там тонкий листок бумаги. Пробежав глазами первые строки, он победно улыбнулся.

Он не ошибся! Автор оставил письмо для редактора.

В нем говорилось, что «Месть Джека» — это неоконченное произведение. И если издательство заинтересовано, автор ждет их для разговора по адресу: Альберт-стрит, община Гордон, дом 15.

***

Светлая улица

Светлая улица, издательство «Гай».

Один из рецензентов устало потер переносицу. Проклятый понедельник. Как было бы чудесно, если бы неделя состояла из одних воскресений.

Справа донесся шорох страниц. Обернувшись, он поразился виду коллеги. Тот сидел, вцепившись в рукопись, с выражением крайнего сосредоточения. Эмоции сменяли друг друга на его лице: от скорби до восторга. Его глаза покраснели, будто он плакал.

— Что ты там нашел такого интересного?

Он протянул руку, собираясь похлопать товарища по плечу, но тот внезапно вскочил. Лицо коллеги пылало, точно он осушил несколько кружек эля.

— В чем дело?!

— Я нашел гения! — Коллега замахал кулаками, выкрикивая слова на весь офис. — Мы сорвали куш!

В тот день подобные сцены разыгрывались в двух десятках издательств по всему Санну. Один за другим охваченные азартом сотрудники выбегали на улицу, запрыгивали в пролетки и выкрикивали извозчикам один и тот же адрес.

— На Альберт-стрит, пятнадцать! Живо!

— Смилуйте, господин, в городе целых двадцать пять улиц Альберта! Вам которую?

— Ту, где живет Лэнс Кавендиш! В общину Гордон!

<http://bllate.org/book/15857/1433665>